

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

ДРИМ

ОНА ЛЮБИЛА РИМ ЗА ВОЗДУХ, КОТОРОГО ЗДЕСЬ БЫЛО
БОЛЬШЕ, ЧЕМ В ДРУГИХ ИМПЕРИЯХ.

Ринат Рифович Валиуллин d'Рим

Серия «Антология любви»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42018717
d'Рим: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113867-7*

Аннотация

«Все дороги ведут в Рим». Что это? Город-мечта или город-сон?... Как с ним связаны самые громкие убийства XX века? И что страшнее – преступление или последующее за ним наказание – стать самым обычным человеком, погрязнуть в трясине быта, без права на мечту? Но чем ярче мечта, тем проще нажать на курок. Тем ближе Рим. Именно Рим вечным стечением обстоятельств открыл героине романа глаза на свое истинное предназначение.

Всякий раз, оказываясь в Риме, она приближалась к своей мечте настолько, что казалось, протяни руку – и достанешь. Но с мечтами никогда не было так просто, а с женскими – тем более. И вот она уже снова вглядывалась вдаль, высматривая в оптический прицел новую жертву, спрашивая себя постоянно: «И почему для достижения мечты мне приходится заниматься бог знает чем?»

Содержание

Норма	6
Рим. Тирамису	12
Рим. Виа Джулия	19
Норма	21
Норма	25
Рим	27
Рим. Пьяцца делла Република	33
Немец	41
Родина	46
Немец	51
Рим. Испанская лестница	54
Джек и Джеки	59
Рим. Траттория на улице Кавура	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ринат Валиуллин

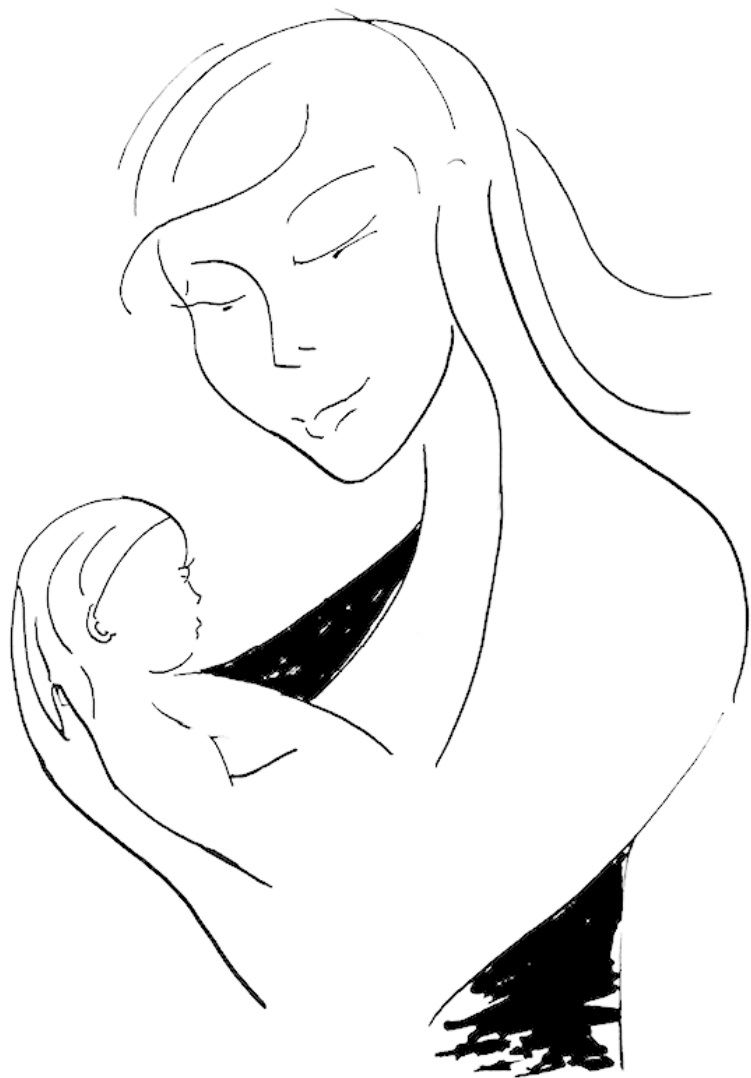
d'Рим

© Валиуллин Р., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Жизнь – это привязанность души к телу.

Норма

– Ты же красивая баба. Почему ты одна? Нашла бы себе нормального мужика. Хотя что я говорю, что будет делать красивая баба с нормальным мужиком? Красивой нужен ненормальный, чтобы то закидывал на небеса, то забывал поймать.

– У меня уже есть один, ненормальный. Я же тебе рассказывала.

– Этот твой норвежец из Осло – все равно что нету, – вернулась на балкон Норма. Она села за столик, вытянула ноги и заправила халат, под которым, как обычно, больше не было никаких лишних тканей. – Зачем он тебе? Вот уж точно ненормальный, этот твой Эйнар. Как можно было воровать деньги у своей невесты? Смотри, он и тебя может обворовать, на чувства. А впрочем, возможно, именно этого иногда и не хватает, – сделала глоток своего любимого апельсинового сока Норма.

«Сейчас бы Манхэттен». Запах ржаного виски влетел в ее мысли (60 мл), сладкий вермут (30 мл) разлился на языке вместе с вишенкой. Две-три капли Биттер Ангостуры стекли слезой. Норма наизусть знала этот рецепт.

– Ты права. Черное и белое.

– Не понимаю, что ты в нем нашла? – наблюдала Норма за тем, как солнце касается верхушек деревьев, теряя ватты.

– Как тебе объяснить? Он – мой самоучитель, как ни взгляну, все время напоминание, что я – женщина.

– Ты сумасшедшая.

– Нет, я чокнутая, когда дело касается чувств.

– У тебя с ним серьезно? – сделала еще глоток Норма.

– Нет, конечно. Уже лет пять как несерьезно.

– Это правильно. Женщине не стоит быть слишком серьезной, серьезность сушит кожу.

– Вот почему ты решила вдруг мне позвонить? Ты стала серьезнее?

– А кому еще звонить перед смертью? Это я так шучу подурачки, – сделала рокировку ног под столом Норма.

– Вижу, ты без настроения.

– Без. Что делать, когда настроение испорчено?

– Сиди ремонтируй, – рассмеялась раскатисто в трубку Элла. – Мне казалось, у тебя все отлично. По крайней мере, когда я слышала твою новую песню. Это было очень чувственно.

– Чувственно?

– Нет, не чувственно, сексуально.

– Значит, ты слышала эту песню?

– Точнее сказать, сначала слышала, потом увидела.

– Ты видела? – сделала еще один глоток нектара Норма. – Если бы ты знала, как на тот момент я была разбавлена водкой и шампанским, чтобы не волноваться! «Гораздо сильнее, чем сейчас».

– И ножки что надо для Мэдисон Гарден, жаль, что платье не взволновалось, как в «Зуде седьмого года»¹.

– Рассуждаешь, как мужик. А платье от Жан-Луи, – накинула Норма полу халата – занавес – на оголившуюся ногу, которая время от времени сползала вниз, как только Норма выходила в свет, на сцену.

– Я не рассуждаю, я впечатлена.

– Платье от Жан-Луи.

– Такое же потрясающее, как и поздравление. Это было поздравление всей стране, ты поцеловала государство прямо в губы. Все увидели, как замешкался президент, как покраснел. До сих пор не пойму, почему он не дал тебе закончить?

«Он боялся, что я ляпну что-нибудь лишнее», – проглотила свою мысль Норма. – Он волновался, как ребенок на утреннике.

«Ребенок, у меня же мог быть ребенок, я могла бы его сейчас любить. Он бы мог быть частью меня, самой лучшей частью меня. Но его нет, он был, но его не стало, его выскоблили из меня, как и многих других, как любовь. Мужчины по частицам выскоблили всю мою душу».

Все ее мужчины, как в прощальной церемонии вдруг выстроились в шеренгу перед ней. И первым был Джо – бейсболист, затем – Джон-президент... Взгляд остановился на Ар-

¹ Американский фильм (1955), иногда переводится как «Семь лет желаний». В главной роли – Мэрилин Монро. Фильм содержит знаменитый эпизод, когда поток воздуха из решётки вентиляционной системы Нью-Йоркского метро раздувает юбку белого платья героини (прим. ред.).

туре...

– Ты же знаешь, для чего мне мужчины. Я очень хочу ребенка. Но после того ужасного дня, когда я случайно открыла дневник Артура... «Мне кажется, что она маленький ребенок, я ее ненавижу!» – что-то во мне перевернулось, наверное, мой ребенок. Может быть, поэтому беременность оказалась внематочной, – грустно пошутила «Мэрилин».

– Да, ладно тебе, Артур уже в прошлом, где-то на первых этажах. Наслаждайся видами сверху. Может, встретимся, кофейку выпьем?

– Кофе – это хорошо. Моя жизнь началась с кофе. Вот как только кофе попробовала, так и начала жить, по-настоящему жить, то есть вкус к жизни пришел именно с кофе, уже потом все остальное, помада, поцелуи, чувства и сушняк. С кофе началась, кофе и закончится.

– Нет, что-то с тобой не то. Кофе не пойдет, лучше шампанское. Выпьешь бокал хорошего вина, глядишь – потянулись проблемы к выходу. Выпьешь второй – вышли все. Подозреваю, что сегодня жизнь у тебя началась с шампанского.

– Во втором ты права, но если перейти на шампанское, то не захочется умирать совсем. Я так боюсь бессмертия!

– Все боятся смерти, а ты бессмертия. Ты что, сменила психотерапевта? Дай мне его номер, мне нравится твой оптимизм.

– Да нет же, я говорю о том, что после кофе меня начнут

разбирать по частям – кому грудь, кому губы, кому глаза, кому платье, кому-то фото вместо иконы. Безбожники. Меня растащат, как хорошую книгу на цитаты. Нет, плохую. Ничего не останется. Одни разрозненные мысли и воспоминания тех, кто хоть как-то ко мне прикасался, а теперь будут лапать. Понимаешь?

– Понимаю. Ну, а кто виноват? Нечего было юбку задирать, – рассмеялась Элла.

* * *

В это время из окна соседнего дома за красивой женщиной, которая болтала по телефону на балконе, то и дело потягивая из бокала алкогольное удовольствие, в оптический прицел наблюдала Анна. Анна держала ее на мушке и ждала, пока та покинет балкон.

Вот уже месяц она следила за личной жизнью Нормы. Ей не хотелось знать лишнего о своей жертве, но так или иначе приходилось, хотя по инструкции это было запрещено. Вот и сейчас Анна листала ее жизнь, читая по губам. На первый взгляд журнал ей казался неинтересным, глянец. Однако внутри него происходило что-то странное, непонятное, слишком много было неясных пятен, в которых не хотелось разбираться. Анна была продолжением своего прицела и ничего не чувствовала. Чужая жизнь для нее была оптической иллюзией, смерть – ее материализацией. Единственное,

что сейчас беспокоило Анну, это стремительно наступающая темнота. Ей хотелось быстрее завершить дела и лететь к своей мечте, в Рим. Она обожала его всем сердцем. Рим служил Анне путеводной звездой в ее непутевой жизни.

Рим. Тирамису

– Вам какой кофе? Или покрепче?

– Мы еще не так близко знакомы.

– Давайте знакомиться. Я – Борис, – заказал два кофе художник, когда мы вошли в небольшое кафе.

– Я – Анна, а вы...

– Нет, не итальянец, я из России, – не дал мне договорить Борис.

– А сюда как попали? – мы сели за уютный столик, друг напротив друга.

– Ну, как и все попадают. Только с той стороны границы это звучит как «попал», со знаком «минус», а с этой – со знаком «плюс». Меня выслали. Сначала во Францию, а потом я перебрался в Италию.

– За что вас так?

– В вердикте суда было сказано: за искажение советской действительности.

– Звучит весело.

– Тогда мне было не до смеха. Хотя где-то внутри себя я понимал, что это – конец, это прорыв железного занавеса. Конечно, это была большая удача, счастливый билет в новую жизнь. Реалисту нереально повезло, реалист попал в новую нереальную жизнь. Почему нереальную? Потому что она не идет ни в какое сравнение с той, что я видел из своего окна, –

посмотрел серьезно на Анну Борис. – А вы кем работаете?

– Я дизайнер.

– Домохозяйка?

– В смысле?

– Сейчас каждая домохозяйка дизайнер. Извините, я не хотел вас обидеть.

– Можете хотеть, но обижать не надо, – улыбнулась я. – Я дизайнер общества.

– Интересно.

– Не то слово.

– Дизайнер ведь делает жизнь более удобной, устраняет ее недостатки. Значит, вы убираете лишних людей? – рассмеялся художник.

Анна замолкла после этих слов. Потом, усмехнувшись, ответила:

– Какой вы категоричный. Я же не уборщица, я дизайнер, просто ставлю людей на свои места, следуя желанию заказчика.

– Не обижайтесь, – отпил кофе Борис. – Тяжело стать хорошим дизайнером?

– Нет. Достаточно отместить все лишнее. А как стать хорошим художником? – успела вставить в анкету свой вопрос Анна.

– Еще проще. Нужно создать свой собственный мир. В нем твоя правда и будет жить. Важно, чтобы ей там было удобно.

– А то придется звонить дизайнеру, – добавила Анна.

– Точно. Поэтому необходимо, чтобы мир был только твоим, остальное додумают люди.

– Вы имеете в виду ложь?

– Да, они обожают этим заниматься. А вы еще чем-то занимаетесь?

– Люблю мечтать. Хотя ложь и мечта – это почти одно и то же, с той лишь разницей, что во втором случае – это приятно.

– И о чем вы мечтаете?

– Раздеваться без проблем, – прыснула смехом Анна. – Если честно... Сейчас я даже не знаю. Всякий раз я мечтаю оказаться снова в Риме. Но я уже здесь. Мечта сбылась. Она у меня одна, но многоразовая. Бывают люди однолюбы, а бывают одномечтатели, наверное, я к ним и отношусь.

– Ну Рим понятно, а что-нибудь концептуальное? – рассмеялся, иронизируя на тему, Борис. – Семья, дети. Разве вы не мечтаете о ребенке?

– Женщина начинает мечтать о ребенке, когда встречает мужчину. В полном смысле последнего слова, а не просто как объект удовольствий.

Борис улыбнулся:

– И вы в ту же реку. Вечный поиск своего берега, – задумчиво произнес он. – Допустим, она его находит. Что дальше?

– Здесь начинается самое сложное: она начинает жить.

– А почему самое сложное? – допил свой кофе Борис и вылил гущу на блюдце. На белом фарфоре образовалось чер-

ное пятно.

– Потому что романтика выветривается.

– И вся жизнь женщины превращается в наведение мостов через бурные потоки эмоций, – вытер невидимую слезу со своей щеки Борис и рассмеялся.

– Ой, да вы еще и поэт.

– То есть теперь задумаетесь?

– Размечтаюсь. Буду мечтать об этом исключительно в Риме, – улыбнулась задумчиво Анна. – А вы самонадеянный.

– А на кого еще надеяться, как не на себя?

– Это точно, в остальном – позитивного очень мало.

– Еще кофе? – спросил Борис Анну, которая тоже отодвинула чашку от себя.

– Тирамису. Вот, вот о чем я всю дорогу мечтала. Вспомнила.

Борис подозвал камерьеру и заказал себе кофе, Анне – пирожное.

– Только, чур, я плачу сама.

– Ты делаешь мне больно, – театрально на «ты» перешел Борис.

– В современном мире каждый платит сам за свои мечты.

– Значит, я – ретро. У меня свои вредные привычки.

– Не бросай. Как бы ни менялись нравы, женщины любят щедрых, – краем глаза Анна уже видела официанта, который лавировал между столиками, неся десерт. – Какая красота, – улыбнулась Анна сначала официанту, потом тирамису. На

большом блюде перед ней возник нежный, воздушный брикет, украшенный клубникой и веточкой смородины.

– Знаете, как переводится «тирамису»? «Взбодри меня».

– Вас? Это легко, – зачерпнула Анна первую ложку итальянского десерта и положила в рот. Губы ее сомкнулись, глаза закрылись. – Так пойдет? – медленно растворила она во рту лакомство.

– Неплохо! – запил это глотком кофе Борис.

– Жаль, что очень калорийный, я бы его ела каждый день.

– Вам нечего бояться, вам конституция позволяет.

– Конституция – да, совесть – нет. Хотя я даже как-то пыталась приготовить его дома. Привезла из Италии все ингредиенты. Сыр маскарпоне из Ломбардии, – захватила она ложкой нежную сливочную плоть и показала Борису. – Хотите попробовать?

– Нет, я пас. Боюсь, взбодрю вас в ответ, – засмеялся Борис.

– Не бойтесь, когда я ем десерт, я не опасна. В общем, как хотите, – проглотила она очередной кусочек.

– Да, женщины опасны, только когда голодны, – улыбнулся Борис. – И неважно, какого рода голод.

– Ну, хотя бы печенье? Это же савоярди, – показала темную сторону пирожного Анна, – еще один важный компонент – печенье савоярди, очень воздушное, сугубо итальянское. Вот только вина итальянского у меня не было, по рецепту должно быть вино «Марсала». Я заменила его на то,

что было. Получилось ничего, но это на голову выше! – взяла Анна веточку смородины в губы.

– Красиво, – заметил Борис.

– Я съела произведение искусства.

– Искусство, искусство... – задумчиво произнес Борис, – оно все время занималось красивым, даже когда рисовали ужасные вещи, выглядело это притягательно. Взять хотя бы красивую смерть, как на картине «Юдифь и Олоферн» у Микеланджело.

– Или «Колокол Уэски» Хосе Касадо, – вытирая губы салфеткой, вспомнила Анна одну из любимых своих картин, с подвешенной, словно колокол, отрезанной головой.

– Да, жуткая сцена, но глаз от полотна не отвести. В то время творцы все хотели делать красиво, красивее, чем было на самом деле, и гораздо красивее, чем сейчас.

– Да, да, – задумчиво согласилась Анна. – Иногда смерть много красивее жизни, – запнулась она. Анна вспомнила красную смерть человека в лимузине. Свою работу она всегда старалась сделать красиво.

– Но глобальное потепление не повлияло на то, что плюс со временем поменялся на минус, потому что для положительного мало стало рисовать красиво, пришло время рисовать реальность, какая она есть. Сейчас только на фоне отрицательного можно создать положительное, иначе его просто никто не увидит. И это не только в живописи. Кино – там тоже все это происходит, или на телевидении, – допил свой

кофе Борис. – Минус на минус дает плюс, вот так примерно, – он снова вылил гущу на блюдце и стал ждать. Пятно превратилось в один идеальный круг.

– Да! Прямо жуть как похоже на плюс! – засмеялась Анна.

– Первый плюс комом.

Вечерело, мы незаметно перешли на «ты», потом – в другое кафе. Для продолжения темы нужны были совсем другие напитки.

Рим. Виа Джулия

На улице было тепло и людно. Бесконечные траттории и пиццерии создавали атмосферу вечного застолья. Несмотря на поздний час, у лавок с сувенирами все еще тлея торговля.

– Сейчас будет мост Систо, а потом Виа Джулия, – прокомментировал Борис.

– Неплохо звучит, улица Джулии.

– Да. Это был папа Юлий второй.

– Папа? Ой, а так романтично звучало. Лучше бы ты мне этого не говорил, – засмеялась Анна. Мы перешли мост и вышли на улицу из затертых временем фасадов, арок и темного плюща, придавшего своей бородой средневековой архитектуре еще более древний вид.

Улица была коротка, красивое не могло длиться вечно, она венчалась фонтаном. Анна подошла к массивной мраморной купели и набрала воду в ладони:

– Холодная.

– Вода?

– Вода. А что еще может быть?

– Раньше во время праздников в фонтан пускали вино.

– А я-то думаю – почему мужик на меня так вопиюще смотрит, – плеснула Анна водой в мраморное бородатое лицо.

– Не бойся, это маска, фонтан так и называется – «Маскероне».

– Я поняла. Выпил – маску снял.

– А ниже фонтана, видишь – это античная ванна, из какой-то римской бани.

– Если ты не торопишься, покажу тебе еще фонтан «Черепашки», – не дожидаясь ответа, повел Борис Анну через короткий проулок.

– Я же на отдыхе.

– Это того стоит. Вот где самая романтика.

Мы прошли какую-то площадь, потом еще одну небольшую улочку и вышли к дворцу с фонтаном. Черепашки действительно впечатляли.

– Какие очаровательные, – сказала Анна. – Хочется покормить.

– Да и юноши тоже ничего.

– А черепашки – прямо символ туриста, влюбленного в Рим, – подошли мы совсем близко к земноводным.

– Да, иногда туристы так зачарованы, что начинаешь спотыкаться.

– А что ты хотел? По Риму хочется ходить долго и медленно.

Норма

– Ты помнишь, что он сказал? «Теперь я могу уйти из политики, после того, как меня поздравили таким ласковым голосом».

– Если бы я постоянно не слушала твои записи, мне казалось, Гершвина я теперь выучила наизусть. Если бы не ты, никогда бы мне так не петь.

– Мне показалось, что между вами что-то есть. Но не это я хотела сказать. По твоему голосу я поняла, что ты влюблена по уши.

– В кого?

– Не волнуйся, я не про Гершвина.

– Элла!!

– Я поняла. Как ты себя чувствуешь?

– По-разному. Черное и белое, – передразнила Норма Эллу и засмеялась. – Все зависит от звонка. После черной пятницы наступила белая суббота. Черное и белое, так и живем. Радость и печаль, любовь и ненависть, восторг и разочарование. Жизнь – вечный пешеходный переход. Одни – туда, другие – обратно. Все ждут звонка, – снова повторила Норма.

– Прямо как у меня, пока ты не позвонила хозяину Мок-амбо.

– Элла!

– Я не только об этом звонке. Без него мне никогда не петь в Мокамбо. Так и скиталась бы по задворкам блюза.

– Ох уж эти расовые предрассудки.

– Черное и белое, – снова рассмеялась трубка. – Ну так да или нет?

– Элла! Мне кажется, сейчас вся Америка наострила уши. Лучше расскажи, как там дела в Мокамбо? Все хорошо?

– Концерты почти каждый вечер. Спасибо тебе, Норма. Я твоя должница.

– Перестань.

– Я же искренне.

– Искренне перестань. Иначе мне придется вместо соку выпить шампанского. А я сегодня с утра хотела бросить пить.

– Решила завязать совсем?

– Со всеми, со всем... – в задумчивости превратила наречие в местоимение Норма. – Именно эта мысль давно не дает мне покоя. Но не думаю, что мне удастся. Я не настолько способная.

* * *

Норма покинула балкон и зашла в дом. Скинула халат, оголив тело, до зубов вооруженное красотой. Монро вообще никогда не носила нижнего белья и даже не купала его,

хотя напоказ этого не выставляла.

«А ты сдала, детка, будто приняла душ времени».

Вдруг ей надоело быть Мэрилин, хотя это была ее норма жизни, но в этот день даже Нормой ей быть не хотелось.

Она надела парик на голову, которая гудела от выпитого, и стала Зельдой, никому не нужной Зельдой Зорк. У Зельды голова не болела. Подошла к зеркалу. Зеркало не поверило ей и узнало. Норма приподняла руками грудь, втянула живот и поправила платье. Потом вспомнила, что она Зельда и сбросила все настройки.

Когда она хотела побродить в толпе, выйти в народ, откуда она когда-то вошла, для того, чтобы оставаться неузнанной, она надевала парик брюнетки, превращалась в Зельду и становилась абсолютно другой.

Перед выходом она еще раз вышла на балкон и допила коктейль.

* * *

Анна мягко потянула на себя курок и капсула с лошадиной дозой барбитурата упала в бокал, оставленный Нормой на балконном столике. Скоро она вернется, чтобы пригубить его и себя.

Неожиданно для Анны, на балкон вышла какая-то брюнетка и одним залпом прикончила коктейль. «Неужели опять все насмарку? Как мне это уже надоело. Первым же

рейсом в Рим. Надо отдохнуть», – уже выходила из здания напротив Анна. Она даже не оглянулась на дома на Фифт Хелена Драйв. Села в припаркованную машину и укатила прочь. «Все дороги ведут в Рим». Анна до сих пор не могла понять, куда делась Норма.

Норма

– Народ, закурить не найдется? – остановил толпу знакомый голос.

– Найдется.

– Можно, я две возьму?

– Бери.

– Они же у тебя последние.

– Бери, чего уж там, тебе же нужно, – скомкав пустую пачку, кидает ее на асфальт.

– Зачем ты так? Есть же урна.

Зельда нехотя подбирает сломанный бумажный футляр. Глаза не находят урну. Кладет в карман. «Я и есть урна».

– Спасибо, а спичка есть?

Народ недовольно чиркает зажигалкой. Зельда затягивается, вторую сигаретку прячет в карман.

– Ну, бывай, пока. – Выдыхает в лицо дым, потом пытается развести его руками, извиняясь.

– Пока, – толпа втянула плечи в воротник и пошла дальше. Только дым в толпу, что прошла.

– Как голова? – спросила Зельда у Нормы.

– Прошла, но неизвестно куда. Отпустило на время. Хорошо, когда тебя никто не знает, – ответила себе Норма. В руках тлел огонек, который не хотел становиться костром.

– Думаешь, позвонит?

– Позвонит, если не думать. А я дура – думаю. Мужики, где они? Сначала подбросят, потом забывают поймать. Ему нужно подкожное, а мне внутривенное...

Клен положил уставшие красные ладони на воздух. Каштаны аплодировали. На улице было тепло. Августом дуло в лицо. Из дула – освежающий ветер. Деревья швырялись листьями и каштанами, фонари брызгались апельсиновым соком, выжигая в Норме негатив. Тот изворачивался, словно ужаленная змея, позвоночник сам собой выпрямлялся, поднимая настроение все выше на лифте, где у него последний этаж, пентхаус. Оргазм – самая верхняя площадка, там бассейн, там бармен с коктейлями на любой вкус, там официантка, негa принесет тебе его, тут звонок, и тебя катапультной прямо с лежака обратно в полумрак в койку, где утром разбудит телефонный звонок.

«Это будет фотограф, которому я обещала сессию, или репортер из Time. Хорошо, когда тебя никто не знает и никому до тебя нет дела».

Рим

Рейс был до Парижа, потом Анна должна была сесть в поезд и через несколько часов оказаться в Риме. В самолете она уже выглядела обычной девушкой с легкомысленным рюкзачком, в который помимо мечт были сложены телефон, косметика, блокнот, ручка. Была еще бутылка воды, но ее пришлось оставить на посадке. Глаза острые, а чувства открыты. Внешняя хрупкость и сухое телосложение требовали полусладкого обращения.

Анна устроилась в кресле, рядом никого не было, и можно было вытянуть все части тела. Ее сильно развитые конечности придавали запоминающийся акцент фигуре. Длинные тонкие мускулы отдыхали на костях кресельных ручек.

За иллюминатором уже пробежали облака, напоминая о реактивной скорости обмена веществ в пространстве. Есть не хотелось.

С другой стороны через проход сидела дама в узкой грудной клетке, длинная и плоская, даже вогнутая в себя. Вся в себе, зажатая ребрами в угол.

Ее конусообразный череп лежал на спинке кресла, он напоминал рыжее яйцо в наушниках. Женщина сидела с закрытыми глазами и что-то слушала. Лоб плавно сужался кверху, без выступов и неровностей периодически морщился в такт неизвестной мелодии. Морщинки ловили ритм. Острый под-

бородачок и нижняя челюсть тоже двигались, будто были на подпевках, скулы вздрагивали.

Анна любила рассматривать людей, особенно, когда те не видели ее. Пыталась по внешности угадать черты характера или даже род занятий. Скорее всего в этом было что-то профессиональное. Ей нравилась эта документальная съемка, когда камера снимает настоящих, незаинтересованных людей, фокусируется на лицах, когда ничего больше не происходит. Никаких перспектив, никаких разговоров, просто жизнь, просто нос с горбинкой, который она отметила сразу же, похожий на клюв, сильно заостренный и вытянутый вперед. Он явно намекал на суровый, но справедливый характер. Затылок плавно переходит в шею. Последняя – длинная и тонкая, как у лебеди. Изящная дама бальзаковского возраста. «Как мы с ней похожи, вся в меня через двадцать лет, нет, через тридцать».

«Бальзаковский возраст – это сколько?» – «Когда кожа становится шагреневой», – ответила Анна сама себе.

Неожиданно женщина открыла глаза, и Анне пришлось опустить взгляд вниз. Там она нашла длинные тонкие ноги в чулках, с худыми угловатыми коленями, которые венчали узкие вытянутые туфли.

Скорее всего она была темпераментным руководителем, умеющим зажечь и повести за собой сотрудников. Они еще раз встретились взглядами с «зажигалкой».

«А меня зовут Анна. Вот и познакомились», – сказала про

себя Анна и достала из рюкзака свой блокнотик, куда обычно записывала всякую ерунду, приходящую на ум, будь то стихи или мысли без какой либо претензии на рифму. Анна была старомодна, она не доверяла гаджетам, бумага вдохновляла гораздо сильнее. Она открыла блокнот:

Значение π в среднем равно $3,14$ ху. Женищине для счастья необходимо знать значение X_u , чтобы в итоге разобраться ху из ху.

Анна вновь посмотрела на соседку. Та спала.

В следующем ряду в кресле сидел круглый, «шарообразный» человек среднего роста. У мужчины были большие голова и живот, при слабых покатых плечах. Широкие кости, мышцы выпуклые. На них явно была видна жировая ткань. Жир откладывается прямо пропорционально тому, как откладываются занятия спортом. Вес прибывает вместе с вкусной едой. Над животом расстелилась широкая, выпуклая грудь. Круглая голова уткнулась в журнал. Умный лоб полысел от доброты. Доброту подчеркивали мягкие подбородок и скулы. Нос «утиный» и слегка вздернут. Мужчина перевернул страницу и почесал короткую толстую шею, потом поменял местами короткие сильные ноги.

«Скорее всего, преподаватель или кондитер. Чем не пара? Идеальный X_u для моей соседки. Вот они уже и спят вместе», – улыбнулась про себя Анна. И записала в блокноте:

Ночью я вскрыл ее своими горячими поцелуями прямо в машине. Вскрытие показало, что она женщина до

мозга костей, желания переполняли, совесть мучила, и не было места для той самой любви, которую она вдруг ощутила.

Я чувствовал, что ей было неудобно заниматься сексом на заднем сиденье «Форда Фокуса», неожиданно любовь стала много больше этой машины.

Потом перевернула страницу, где нашла другую свою заметку:

Я тебя уверяю, что богов немного среди людей, как и вообще небожителей. У них другая реальность. И уровень другой. Они перешли на него через себя. Они переступили через себя, чтобы стать совершенными. Им не нужны вторые половинки. Если ты неполноценная, ты ищешь вторую половину. Полноценным людям не нужны половинки, они хотят все. Или лучше вот так: полноценные люди не ищут вторую половину, они с ней живут.

После этой фразы Анна вспомнила шефа, жизнерадостного и добродушного, беспокойного внешне, но спокойно-го внутри. После ее промахов он вспыхивал, как спичка, но быстро остывал. Шеф излучал оптимизм, в любой ситуации он находил место хорошему настроению. Постоянно смеялся, когда нервничал, таким образом пытаясь контролировать эмоции. Но против мимики он был бессилен, она, как и жестикуляция, жила своей веселой жизнью. Рядом с ним Ан-

не казалось, что она все делает правильно, следуя его указаниям, повинувшись заказчикам. Она старалась подражать его сильной и уверенной походке по жизни, вспоминая его вечную присказку: «Если меня уволят, я с удовольствием займусь чем-нибудь еще. Поработал бы водителем такси или клоуном в цирке, а может, сидел бы дома и сочинял стихи. А может, просто ничего не делал, вот где кайф. Вставал бы поздно, целовал жену, шел в бар смотреть футбол, возвращался, чтобы обнимать ее до самого утра».

«Такое же широкое лицо и круглое тело, как у мистера Ху», – посмотрела она снова на соседа, который уже спал.

Она перевернула страницу и наткнулась на стихотворение:

*Как будто мало осени внутри
как будто ее чересчур снаружи
мешаем кофе
шевельим губами
говорим
о том о сем
о том, с кем лето пролетело мимо тела
о сем, с которыми сейчас сидим
и улыбаемся
замазав окна грустным сентябрем
«Любви, любви» – кипело пеной кофе,
витрину осени разбить пытаюсь, в берегах фарфора
как не хватает нам какой-то мизерной любви
мы рвем пакетики*

*на раны сыплем сахар
помешивая ложкой «почему?»
и пригубив ее, кладем на блюде:
«наверное, мы слишком много дружим».*

Иногда приходило вдохновение, и Анна сочиняла. Это тоже было своего рода отдушиной. Всякая писанина помогала ей посмотреть на себя со стороны. В то время как в жизни приходилось наблюдать за другими.

«Любви, любви», – повторила Анна.

– Чай, кофе, прохладительные напитки? – вырвала ее из осеннего контекста стюардесса.

«Раз крепче ничего нет... тогда лучше чай», – ответила Анна в широкой улыбке девушке.

Рим. Пьяцца делла Република

Я прибыла из Парижа на поезде. Борис встретил меня на вокзале Термини. Мы тепло обнялись. Вокзал не только место расставаний, но и встреч, однако холодок от первых дает о себе знать, поэтому я вжалась в Бориса всем своим телом.

– Замерзла, что ли? Так приятно впиалась в меня, будто приехала из зимы. Холодный вагон?

– Нет, вокзал.

– Извини, не успел нагреть. Но снаружи – лето, пошли, – взял он меня в охапку и скоро мы оказались на улице. – Отчего такая суета, будто перед Новым годом?

– Все ждут чудес.

– Но ведь взрослые же люди.

– Взрослым чудеса нужны даже больше, чем детям, потому что после тридцати без чуда – никуда.

– Я прямо чувствую, что без чуда мне уже никуда, – приобнял Борис Анну.

– Сколько автобусов!

– Пятьсот.

– Ты уверен?

– Площадь Пятисот, она так и называется, в честь пятисот итальянских солдат.

– Которые истекли здесь кровью от эфиопских шотелов и гураде где-то в конце девятнадцатого века.

– Я вижу, ты тоже в теме? Любишь оружие?

– Историю, – соврала Анна, равнодушная к оружию. Каждый раз, оказываясь здесь, я слышу звон металла и вижу реки крови. Я прямо представляю, как все это было.

– Как?

– Жарко, пыльно, больно и грязно. Но благо водопровод уже был изобретен. Он смывал самые трагичные факты из истории Римской империи, словно для этого и был придуман.

– Интересно, я как-то не задумывался над этим, но что-то в этом есть. Термы Диоклетиана, – указал Борис на массивное здание темно-кремового цвета. – Здесь воины отмывались от кровавых разборок, – сыронизировал он.

– Вот почему такой цвет, теплый, хочется прямо потрогать. Что за камень?

– Кирпич, – чуть замешкавшись, ответил Борис.

– Кирпич? Есть такой камень? – улыбнулась Анна. – Хотела бы дома такие обои.

– Если только в погребе, – покачал головой Борис.

– В винном?

– И в невинном тоже. Хотя погреба все виновны. Хочешь перекусить? – посмотрел в мои глаза Борис. – Я хотел сказать – выпить.

– Хочу, но, может, прогуляемся немного? Расскажешь мне что-нибудь. Ты же местный.

– Я боюсь, что ты все знаешь.

– Не бойся, это случайность.

– Пьяцца делла Република, – по-итальянски озвучил он.

– Красноречиво, как эти симпатичные домики. И фонтан посередине, чтобы охладить пыл.

– Пыль, – улыбнулся Борис. – Искупнемся?

– Может, потерпим до Треви? – поцеловала я Бориса в щеку. – Здесь же русалки.

– Я вижу, ты скучала.

– Нет, работала... Ты бы какую выбрал? – предложила я свой вариант «а ты скучал»?

– Может, ту, что верхом? – ответил, что «скучал, не то слово», Борис.

– Ну да, верхом будет быстрее. Но сегодня мне бы хотелось растянуть удовольствие, – улыбнулась Анна. Именно эта довольная улыбка ярче слов показала, что имела в виду девушка.

– Фонтан наяд, – комментировал Борис. Та, что с лебедем, – озерная, вторая – речная с каким-то сомом, третья – верхом на лошади, океанская, четвертая – русалка артезианская, с драконом.

– А как мужчину зовут? – внимательно слушала его Анна.

– Морской Главк.

– Держит всех, – рассмеялась Анна. Настроение ее поднялось в небо так же высоко, как струя фонтана, разбрызгивая улыбки во все стороны. Она любила этот город, этот воздух, которого здесь было в разы больше, чем в других империях.

Рим для нее служил той самой кислородной подушкой, которая была ей необходима, чтобы привести себя в чувство после очередного дела. Было не важно, куда идти, красиво – везде, поэтому она даже не спрашивала, а только повиновалась своему gidу.

...Улочки становились уже, они всматривались в нас все пристальнее, образами мадонн и младенцев. Стоило мне отвлечься на очередное блюдо с архитектурой, как я потеряла из виду Бориса. Впереди никого, только оперный театр. Серые квадратные колонны – я знала, что вот-вот он выскочит на меня из-за одной. Потом будут объятия, долгий поцелуй. Как легко было просчитать мужскую неожиданность. Но нет, Боря оказался тоньше женской логики, вот уже последняя колонна – и никого. Скоро я увидела его сидящим на ступенях храма. Он весело смотрел на меня:

– Базилика ди Санта-Мария-Маджоре.

– Это предложение? – рассмеялась я, присаживаясь рядом.

– Да, выходи за меня, – протянул он мне коробочку.

– Нет, мы так не договаривались. Ты не обижайся, но с тобой я пока могу выйти только из себя. Мне это нравится, но есть еще и другие дела.

– Шучу.

– Нет, все равно спасибо. Не каждый день девушке делают предложение. А что в коробочке?

– Открой.

Я взяла коробочку и открыла, там лежала конфета «Бачи».

– Слава богу, – вздохнула я. – А то я уже начала придумывать, что делать с кольцом.

– Ну, ты уже отказалась.

– При виде кольца – это совсем другое дело. Это гораздо сложнее, – взяла я конфету и вернула коробочку Борису. – Сердце начинает подсказывать громко, облака останавливаются. В общем, тебе не понять, пойдем дальше, – спрятала я конфету в рот и стала за руки поднимать Бориса.

– Заходить не будем? Там красиво.

– Не-не-не-не-не-не-не. Не сегодня.

Мы прошли мимо Богородицы, смотрящей на нас прямо из дверей храма. Позолотили ей ручку, которая уже была натерта тысячами прикосновений. Дева Мария улыбнулась.

– Это ее сын? – спросила я, прикоснувшись к металлической руке.

– Да, Иисус.

– Симпатичная семья.

– Это точно! Как ты съездила?

– Отлично! Была на другом континенте. Дизайн в стиле ампира. Все, больше ничего рассказать не могу.

– Остальное совершенно секретно?

– Мы же договаривались – ты не спрашиваешь меня о работе, я не интересуюсь твоей личной жизнью. Лучше скажи, куда мы идем.

– Есть. Все пути в Риме ведут в trattorie.

– Мойте руки перед едой, – Анна нагнулась к маленькому фонтанчику, где ангел лил воду из своих губ, набрала в ладони влагу и окунула в нее лицо.

– Ее пить можно? – наполнила она еще горсть.

– Можно. Хотя я не рискую, – стал он стряхивать случайные капли с платья Анны.

– Я думала, ты рисковый, – вытерла Анна губы.

– Так вот почему ты мне отказала? – улыбался маленькой женской мести Борис.

– Если ты про еду, то я уже готова к лазанье. Все остальное просто обстоятельства.

– Я не верю в обстоятельства.

– Правильно делаешь. Стоит в них поверить, и начинаешь

соревноваться. Обстоятельство – это то, что всегда норовит нас обставить. А в лазанью веришь? – вытерла губы ладонью Анна.

– Да, я знаю здесь отличный винный погреб.

Немец

– Каждый уважающий себя политик хотел бы иметь за пазухой свою небольшую войну, чтобы можно было оперативно развести пожар в любом уголке, превратив его в уголек. Иметь в своем арсенале войнушку, которую в любой момент можно было бы закинуть туда, где срываю куш. Правда, не все отдают себе отчет, что искры от этого пожара могут легко перекинуться на соседние государства и вернуться эффектом горящего бумеранга.

– Знаешь, я не очень люблю политику. Давно уже заметила, если человек начинает говорить о политике, значит, он стареет.

– Неужели я уже так давно об этом говорю? Ты останавливай меня, если что, – улыбнулся Немец.

– Уже минут пять. Пять минут не знаю, как мне поступить – с одной стороны скучно, с другой – как красиво ты говоришь!

Город накинуд темный плащ, в который стучался дождь. И плащ, и плач. Анна начала всматриваться в темноту через оптику, приближая плащ. Они шли по набережной. Он – в длинном черном плаще, она – в коротком белом. Черное и белое. Тела, внутри которых только что приятно развалился ужин и растеклось вино, двигались медленно. Ни противный моросающий дождь, ни раскачивающий Луну ветер

не могли мешать их философской прогулке. Черный плащ то разводил руками, придавая своим словам больший вес, чтобы их не унесло ветром, мимо прекрасных ракушек девушки, то приобнимал сзади белый, прикрывая от сквозняка и коррозии хрупкую женскую логику.

– Если ты не знаешь, как поступить в той или иной ситуации, значит, ты изначально не туда поступил.

– Ты так считаешь?

– Мне кажется, из тебя получился бы неплохой актер.

– Неплохой – значит не сыгравший ни разу негодяя, – улыбался мужчина. – Вообще, по-хорошему после сорока нужно уходить в художники, писатели и прочее творческое безобразие. Пик гормональной активности позади, ни бизнес, ни прибыль, при всем моем уважении к богатству, уже не приносят той радости. Каким бы он ни был высоким – Эверест позади... Могу только оглядываться на белые вершины воспоминаний.

– Ну, ну, полегче.

– Ты-то еще на подъеме, я – на спуске, в базовый лагерь, греться, творить, спать.

* * *

Дождь замерзал, незаметно превращаясь в снег. И вот уже природа в бинтах, она была больна, холодна и прекрасна. Снег был белым, а ночь – черной. Анна не любила снег, но

еще больше дождь.

Немец увидел девушку, облокотившуюся на парапет. Большой вырез на длинной юбке резал взгляд, потому что на голую кожу падали холодные снежинки.

– Какая сервировка.

– Вырез на платье женщины – это форточка, в которую она зовет тебя домой. Этот с ней, как ты думаешь? – спросило белое пальто.

Чуть поодаль они увидели взрослого мужчину, который находился годах в двадцати от девушки, нервно курил и по-смастривал в сторону выреза.

– Он не знал, как подойти к незнакомке. Стоял в стороне и ломался, будто хотел сломаться до такой степени, чтобы она оказала ему первую помощь.

– К незнакомке?

– Стоит людям только поссориться, как они начинают строить из себя незнакомцев.

– Зато можно заново познакомиться. Интересно, кто кого строит?

– Интересно, из чего? – продолжал иронизировать черный плащ. – Или лучше сказать «чем»?

– Голосом, мне кажется, у него приятный голос.

– Приятный – это какой?

– Не знаю, но видно, что она его муза.

– Муза? Зачем тогда так далеко отпустил, дурак? Он забывает, что у муз легкие крылья. Раскроют – и нет, унесло

порывом ветра. Говори со своей женщиной! О чем угодно, главное – не молчи. Говори, пусть она вспомнит, что когда-то была влюблена в твой голос.

– Как ты думаешь, кто он? – хотелось докопаться до истины девушке.

– Писатель, раз она муза.

– А может, поэт?

– Для поэта староват. К тому же зануда.

– Почему?

– Разве ты не видишь, как медленно он ее убивает?

– Замораживает. Разве можно быть холодным с девушкой в такую погоду? Не убивайте женщину занудством, зачем вам в постели мертвец? Может быть, у него просто творческий кризис? – заступилась за мужчину девушка.

– Творческий кризис – это, как правило, недостаток секса, скудность половой жизни. Надо больше заниматься любовью, не будет никаких кризисов. Где койка не скрипит, там не скрипит перо. У настоящего писателя скрип койки прямо пропорционален скрипу пера. Ты не замерзла? – обнял крепче черный ворон белую лебедь.

– Нет.

– Что ты делаешь завтра?

– Кофе. А что?

– Я хочу наброситься на тебя голодным. А я пока сытый. Погуляем еще?

– Погуляем, если скажешь, о чем он пишет.

– О вечном.

– То есть?

– О своем, – заставил он улыбнуться подругу.

– Стоит как абзац.

– Ничего, помирятся завтра, начнут все с красной строки.

Извини, – черный рукав достал из кармана телефон и прижал к уху: – Да, привет. Да так, гуляю кое с кем. Нет, ты ее не знаешь. Как у тебя? Снегопад? Это хорошо. Надеюсь, рейс не задержат. В любом случае посадка будет мягкой, – засмеялся. – Позвони мне сразу же по прилету. Почему ты погрустнела? – черный плащ догнал и приобнял белый, который чуть оторвался.

– Значит, я для тебя кое-кто?

– Я знал, что ты поведешься. Одну и ту же музыку все слышат по-разному: одни грустят и плачут от тоски, другие сексом занимаются и плачут от удовольствия. Коллега по работе.

– Знаешь, какая главная задача мужчины? Не быть женщиной, как бы ни хотелось.

– То есть?

– Всегда говорить правду.

Родина

«Жить стало лучше, но грустнее. Прогресс не приносит счастья. В своем чемодане он принес новые скорости, новые возможности, новые носители, новые объемы. На счастье там просто не осталось места. Сидим постоянно на чемоданах», – Анне снова дико захотелось в Рим.

Первый снег, как белая дверь, за которой мерещатся чудеса, пока не войдешь и не обнаружишь обычный холодильник, где среди замороженного ни мяса ни рыбы замороженная курочка процокает на шпильках.

Море мыслей постоянно сбивает с ног и одна самая сильная постоянно отбрасывает обратно. Плавай, пока не почувствуешь почву под ногами, берег, пока не разберешься.

Первой осечкой был лысый, бородатый мужичок. Она не знала, как его зовут, он шел под номером 1917. Начал говорить лишнее. Он так вошел в роль, что сам начал верить в то, что говорит, стал ролью партии. И партия его тенорка в этой опере стала единственной и непоколебимой. Анна до сих пор не понимает, как такое могло случиться – возможно, погода, но скорее всего, это – въедливый картавый голос, что двигал массами, как ветер облаками в небе, а потом и целыми фронтами. Но вместо обещанной манны небесной пошел августовский дождь, и, возможно, он заставил ее руку дрогнуть. С тех самых пор дождь для Анны был дурным

знаком. Потом состоялся разбор полетов, точнее полета той злосчастной ядовитой пули, застрявшей в руке водящих на семьдесят лет. Она будто передавалась из поколения в поколение, как талисман, от главы к главе, пока яд не перестал действовать. Отрава распространилась на всю страну. Через время в пространство.

Памятуя о других блестяще выполненных заданиях, среди которых было убийство какого-то государственного деятеля в Сараево, от работы ее отстранять не стали... Жалко было женщину, по-видимому жену, она была молодая, будто хотела прикрыть мужа, и пуля попала ей в живот. Вторая пронзила шею ее мужа. Из раны брызнула струйка крови, которая вскоре залила всю Европу. Так с одного движения пальца началась Первая война миров.

Прوماхи – это то, что не дает спать спокойно. Ни ей, ни её шефу. Он все время ставил в пример ей того, первого, с которым она не смогла разобраться, а только ранила. Шеф, как завзятый психолог, внушал ей, что дело было вовсе не в августе, не в дожде, не в плохой видимости, не хватило опыта, слишком близко подошла, попала в его пространство, под его очарование, как и тысячи других, которые в этот момент, будто в летаргическом сне, творили сами не понимая что. «Либо у тебя там кто-то есть. Больше причин я не вижу. Скажи мне, что это не так». Я сказала ему то, что он хотел слышать: «Нет у меня там никого».

Шеф как в воду глядел, как глядела в воду Петропавлов-

ка. Но начини я рассказывать, начались бы лишние вопросы, трудные ответы, интимные сцены. Я оставила их в душе, но вырезала из личного дела.

Имя ему Питер. Он представился контр-адмиралом, но я не имела ничего и против мичмана, лишь бы чувства. Если бы не голод, если бы не влюбленность, я бы никогда так на нем не заиклилась, не относилась бы к нему с таким вниманием и заботой. Еще бы – общаясь с ним, я общалась с целым замечательным миром. Не человек, а город, не мужчина, а Вселенная.

Пальцем в небо попала Петропавловка. Пропадая надолго, он бросал ее в темницы Петропавловки, зато возвращаясь, они пускались в такое сладкое безобразие, когда ее молодое еще, похотливое, смазанное страстью тело елозило по шпилью от самого дна к самому небу, туда-сюда, туда-сюда, в ожидании выстрела полночной пушки, после которого, тут же, она убитая срывалась с колоннады Исаакия и разбивалась по нескольку раз за ночь. То и дело собирая себя по осколкам и поднимая по длинной крученой лестнице на вершину блаженства, вновь падала вниз, очарованная, бездыханная.

Насаживалась похотью на его адмиралтейский шпиль (впрочем, не всегда он был таковым, часто флигельком, только в ее теплом желании становился он шпилем). Она любила подолгу смотреть с моста в воду, до тех пор, пока не найдет свое отражение – «то ли нимфа, то ли нимфоманка». Город

колебался тоже, пытаюсь правильно ответить на этот сложный вопрос. Стены зданий расшатаны, того и гляди развалятся – как легко отражению вывести из себя! Будто глядишь утром на свое прямое сном лицо, ищешь новые морщины, чтобы докопаться до своего настроения. Испортить его в конце концов, потом быстро приводить в порядок кремом и пудрой. Корабельный гудок возвестил, что все кончено, контр-адмирал помахал мне рукой с палубы.

* * *

У какой женщины не дрогнет рука, когда любимый пропал без вести? Слезы мои застилали глаза. Я не помню, как нажала курок, будто стреляла в себя. После выстрела, очнувшись от летаргического сна на несколько мгновений, люди подхватили вождя и понесли, теперь уже имея определенный вектор, головою вперед. Теперь у них был свой мученик и святой. Этот выстрел повлиял на ход истории и на время, оно замкнулось в себе, стало пересчитывать счастье по своим законам, словно белка попала из леса в колесо, чтобы бог знает сколько крутиться в своем порочном кругу.

* * *

– Ладно, не спать, проехали, – сказал мне шеф. – Одного

не пойму, неужели нельзя было пальнуть из «Авроры»? Почему стреляли из браунинга, раз вы были в Питере? «Просто я там проснулась... одна», – зачесался язык ответить ему, но я сдержалась – тогда бы мне пришлось рассказывать весь роман.

– Пойдем, кое-что тебе представлю. – Он повел меня в соседнюю комнату, где показал свою таблицу: – Вот моя бессонница!

Таблица была похожа на систему химических элементов, где у каждого был свой профиль, свой номер, каждый со своим удельным весом в обществе, со своими свойствами, связями и значениями. Некоторые клетки таблицы были пусты.

– Это для сверхновых элементов, – пояснил немой вопрос в глазах Анны шеф. И ты их должна заполнить.

«Какая рутина», – подумала про себя Анна, кивая головой. Химия ей не нравилась вслед за химиком. Вот так вот все просто у женщин, одна антипатия может вычеркнуть целую науку из твоего мировоззрения.

Анне показалось, что она даже сейчас кивнула своим нахлынувшим воспоминаниям. Она прислушалась к тишине чердака, на котором устроилась, снова посмотрела в глазок винтовки. Ждать уже было нельзя, надо было заканчивать. Она натянула курок указательным пальцем, будто тот был тетивой лука. Неожиданно к парочке подошла пожилая женщина.

Немец

– Который день? – остановила их старушка. Она была нелепой и ветхой, будто только что из преисподней. Очнулась, а жизнь уже пролетела.

– Вторник, – переглянулись плащи.

– Я думала, она денег попросит. Уже начала искать в карманах мелочь.

– Хорошо, что не год. Хотя какая разница, когда жизнь исчисляется днями недели.

– Видимо, что-то у нее пошло не так, а если что-то пошло не так, нет смысла менять дни недели, меняй сразу год, – пошутил Немец.

– Не смейся, она хорошая. По глазам видно. Хотя обычно я стараюсь не смотреть старикам в глаза. Чего там только нет. Иные – как заваленные всяким хламом чуланы.

– Я разве против хороших бабушек? Рассуждаю о своем. Еще неизвестно, каким я буду стариком. С каким чердаком.

По воде шел прогулочный катер, на борту высвечивалось огоньками «Монро». На противоположном берегу стоял холодный белый дом, словно выкрашенный снегом. Он возвышался над городом, стремясь возвыситься над миром.

– Красивая была баба. Жаль, что мало, – проводил взглядом корабль мужчина в черном, будто саму Норму в дальний путь.

– Насчет красоты я бы поспорила, но действительно жаль. Во всем виновата любовь.

– Точнее – любовники. Слишком значительные фигуры. Что ни любовник, то звезда или даже орден. Зачем женщине столько?

– Дело не в количестве, нужен был один, который мог бы подарить ей ребенка.

После этих слов девушка развернулась и посмотрела на Немца. Красота ее украшала те бриллиантовые безделушки, что поблескивали хитро всякий раз, пока она двигалась. А когда она остановилась, ее женственность стала столь очевидна, что ему захотелось взять ее и больше никогда не отпускать.

* * *

Наконец указательный уверенно потянул курок на себя. Человек в черном плаще вдруг споткнулся, затем упал на спину. Ангелы вздрогнули и, расправив крылья, посыпались с фасадов и стен. Они летели к набережной. «Неужели я забыла глушитель? – мелькнуло в голове у Анны. – Вроде не было слышно выстрела, – посмотрела она на ствол винтовки, на котором сидел глушитель. – Нет, все в порядке». Это сердобольная бабушка крошила на набережной хлеб голубям, чайкам, ангелам.

Девушка пыталась разбудить тело, то обращаясь к нему,

то к снегу, то к Богу. Красота ее куда-то пропала, бриллиантовые безделушки все так же холодно блестели в темноте. Женственности и след простыл, только ужас в глазах.

Анна быстро собрала винтовку. Рим приближался вместе с сердцем, он уже стучал в висках колокольной Санта-Мария-Маджоре.

Рим. Испанская лестница

Мы спускались по Испанской лестнице. Я – как девочка, которая, то обгоняла Бориса, то отставала, то брала его за руку, пытаясь завести в разговор:

– Когда я увижу твои работы?

– Завтра. Заглянем ко мне в мастерскую, я покажу тебе свою живопись.

– Сделаем портрет?

– Я не пишу портреты.

– Ты не пишешь портреты?

– Нет.

– А мне предлагал.

– Людей с красивыми лицами можно еще встретить, но вот чтоб красивый был профиль... Редкость. Жизнь делает многих плоскими.

– Спасибо, значит, сделаешь исключение?

– Кто-то уже сделал, – улыбнулся он.

– Чао, – поскакала Анна вперед, окрыленная комплиментом.

Трехсотлетние ступени лестницы лежали как шедевры. Они устали, они отдыхали, они грелись на солнышке, они были спокойны, даже когда на них наступали. Им было все равно. В этой вечной поступи заключалась вся красота итальянского барокко. Шаги отполировали камень.

– Какая длинная лестница!

– Длинною в триста лет, – прокомментировал очередной шаг Борис. – Она никогда не реставрировалась.

– То есть такой же она была и триста лет назад?

– Думаю, и через триста будет такой же. Здесь все медленнее стареет.

– А люди?

– Такие, как Микеланджело, живут вечно.

– Он же волшебник. Если ты не приносишь в мир волшебство, зачем вообще жить?

– Вот это амбиции, вот это я понимаю. А все голову ломают, в чем смысл жизни? Оказывается все просто. Как ты до этого дошла?

– По лестнице, – засмеялась Анна. – Хорошо бы по этому каскаду ступеней пустить реку!

– Почему реку?

– Жарко очень, – остановилась и открыла бутылку воды Анна. Затем сделала несколько жадных глотков, удовлетворяя жажду.

– Это мы еще вниз идем, а кто-то наверх.

– Мы не ищем легких путей, – рассмеялась Анна, улыбка ее была, как и лестница, цвета травертина. – Хочешь? – протянула она Борису бутылку. Он тоже сделал несколько глотков.

– Почему лестница называется Испанской?

– Романтично. Честно говоря, история длинная и скучная.

Хочешь, подслушаем ее в этой группе товарищей?

Рядом с нами остановилась туристическая группа. Гид не толкала, а прямо заталкивала в жару речь: — ... идея сооружения лестницы принадлежит французскому дипломату Этьенну Гофье. Пребывая на службе короля Франции Людовика Четырнадцатого в качестве его представителя в Риме, дипломат посоветовал монарху объединить низинную часть основания холма с расположенной на его вершине церковью Святой Троицы. Чтобы понимать, чем было вызвано подобное предложение, следует немного углубиться в историю...

— История на истории и историей погоняет, — шепнула тихо Борису Анна.

— А ты как хотела?

— Я как хотела? Как угодно, лишь бы без этого раздражителя, — посмотрела она гида, пожилую, уверенную в себе и своих словах женщину.

— Тебе голос не нравится или эпоха скучная?

— У гидов все эпохи скучные.

— ... дело в том, что церковь холма Пинчо, возведенная между тысяча пятьсот вторым и тысяча пятьсот девятнадцатым годами французским королем Людовиком Двенадцатым, имела титулярный статус христианского храма, утверждавшего присутствие Франции на папской территории. Являясь оплотом монаршего семейства Людовиков в Риме, церковь Санта-Тринита-деи-Монти объединяла под своими сводами многочисленных французов, у которых в сердце все

еще жила родина...

Анна услышала свою фамилию и вздрогнула так, будто, замечтавшись на уроке истории, была вдруг застигнута врасплох учительским вопросом. Она снова постаралась вникнуть в речь гида.

— ...двадцатого года у подножия холма, во дворце Джованни Мональдески, обосновалось представительство испанского королевства, впоследствии давшее название площади перед ним. Влияние Франции в Европе негативным образом сказывалось на отношениях двух государств, ведущих постоянные войны. Нормализации отношений между монархиями не помог даже брак дочери испанского короля Филиппа Четвертого Марии Терезии Австрийской с Людовиком Четырнадцатым. Бракосочетание приостановило франко-испанскую войну лишь на короткое время...

— Красота, как могла, спасала мир. Странно, что сейчас не используют такие маневры между государствами ради мира во всем мире.

— Войны стали выгоднее мира. Ничего народного, просто бизнес, ее превратили в выгодное предприятие. Разве с браками не то же самое?

— Не знаю, никогда не была замужем.

— Никогда не хотелось?

— Всегда хочется, как в детстве конфет, — напомнила Анна Борису про «Бачи» в коробочке.

— ...снизить напряженность между Францией и Испани-

ей попытался французский дипломат Этьен Гофье, предложивший своему королю объединить лестницей мира представительства обеих монархий в Риме. Тактично совместив в декоративном оформлении балюстрады лилии (геральдическую символику династии Бурбонов) с орлом и короной папы римского, архитекторы наконец-то остановили многолетние споры. Гофье при жизни оставил завещание, в котором прописывалась довольно большая сумма на строительство. Однако даже вдохновленные этим власти государства не смогли сразу договориться, каким должен быть этот символ франко-испанской дружбы. Настоятельные требования Франции об установке на вершине холма статуи Людовика Четырнадцатого, восседающего на жеребце, были отклонены понтификом. Он справедливо посчитал, что памятник иностранному королю не должен украшать Рим. Таким образом, пожелание французского дипломата было отложено вплоть до смерти монарха в тысяча семьсот пятнадцатом году. Проект Испанской лестницы был разработан архитектором Алессандро Спецхи и был дополнен его соратником Франческо Де...

– Романтичного мало, прямо как в жизни, все по расчету, – потянула я за руку Бориса, и мы обогнали процессию.

Джек и Джеки

– До Дили-Плаза подбросите? – по инерции спросил Джек водителя, когда рядом с ними остановился лимузин, вынырнувший вслед за такси.

– С удовольствием, – широко улыбнулся водитель.

Все пятеро загрузились в лимузин. Джек с женой сел сзади, остальные трое устроились впереди.

– Честно говоря, я хотел остановить такси. А тут целый лимузин.

– Президентский, – дополнил водитель.

– Вы серьезно?

– Как никогда.

– И кто из нас, по-вашему, президент?

– Судя по месту – вы.

Кену от этого стало немного не по себе. Он поправил галстук на шее и стал серьезнее, чем обычно.

– Главное – выбрать правильное авто, и ты уже президент.

– Обычно мы крышу опускаем, но сегодня такое солнце! Крышу сняли, чтобы граждане могли видеть своего президента.

– Съехала, – пошутил президент, еще не осознавая, насколько пророческими станут его слова.

– Точно, съехала. Посмотрите, что творится в городе.

Кругом галдела толпа, люди стояли на тротуарах, все ло-

вили взглядами кортеж, пытаюсь высмотреть президента, а потом просто махали руками вслед.

– Почему ты не женился на ней? – Джеки увидела в толпе большой плакат с фотографией Нормы. Шедевр Энди Уорхола невозможно было не заметить. Монро улыбалась во всю свою сексуальность.

– Опять начинается. Сколько можно, Джеки? – махал публике в ответ своей миной президент. Остальные в машине тоже натянули улыбки. Самая кислая была у Джеки.

– Она ведь такая красивая, так страстно желала стать женой президента – твоей женой. Когда она позвонила в Белый дом, я ей так и сказала: «Мэрилин, выходи замуж за Джека, переезжай в Белый дом и принимай все обязанности первой леди, ты будешь решать все эти проблемы, а я просто уеду».

– Я наизусть знаю твой разговор, он уже снится мне. Сколько можно, Джеки? Ты же обещала.

– А ты не обещал? Разве ты не обещал мне быть верным, единственным, любимым... – уже подняла свой кулачок Джеки, но Джек постарался поймать ее руку и уложить на колени. Но Джеки уже было трудно остановить: – Она родит тебе прекрасного наследника!

– Что ты несешь? Уймись, Джеки!

– Я знаю, что несу, я знаю, ты был холоден ко мне, а после того как я родила мертвого ребенка, ты стал ледовитым. Ты даже отказался навестить меня в госпитале, ты продолжал свою вечеринку на яхте, – отдернула руку Джеки, что-

бы смахнуть слезы. – «Раз ребенок мертв, то чего мне спешить?» Эти слова возникают у меня в голове всякий раз, когда я слышу ее имя.

– При чем здесь она?

– При всем, я чувствую на твоей шее ее запах. Какой же ты подлец, – попыталась вклепать пощечину президенту Джеки, но тот перехватил ее руку и опустил вниз. Было слышно, как Джеки всхлипывает.

– Мистер президент, согласитесь, что Даллас вас любит, – попытался выручить Джона кто-то из сидящих в машине. Лишь близкие могли называть его Джек, остальные знали его как Джона Кеннеди.

– Разумеется.

На следующем перекрестке лимузин свернул налево, на Элм-стрит.

После того как автомобиль проехал мимо расположенного на углу Хьюстон-стрит и Элм-стрит книжного хранилища, Джек вдруг сник, прижавшись всем телом к Джеки. Она обняла его, а потом вдруг отстранилась, с одним желанием – выпрыгнуть из машины, сейчас же, немедленно.

Вторым выстрелом Родина снесла ему крышу. Она успела увидеть в прицел, как девушка, сидевшая рядом, схватила голову жертвы и попыталась ее собрать, а потом, осознав что происходит, бросилась прочь из машины.

Рим. Траттория на улице Кавура

Мы зашли в тратторию на улице Кавура. Внутри было прохладно и чисто, вместо стен – стеллажи с бутылками вин всех местных сортов. Ресторан в буквальном смысле был завален вином, но так гармонично, что захотелось в нем сидеть долго, и медленно переливать из пустого в порожнее. Кухня граничила с залом, это придавало ощущение личного участия в приготовлении еды. Чувство приятной случайности выбранного места долго не покидало меня.

Позже оказалось, что Борис заранее знал, куда мы идем, и заказал там столик. Но это уже не имело большого значения по сравнению с тем, что в Риме он просчитывал мою жизнь на шаг вперед, хотя мне казалось, что я всегда бежала впереди него. А он меня догонял, брал и снова отпускал, и снова догонял. В этой демократии была заложена та самая игра, которая делает любые отношения крепче. Нет, скорее даже не крепкими, а желанными, страстными, и главное – вкусными.

Мы болтали о том, о сем, ни о чем и обо всем сразу, как два кулинара с неполным высшим. Сначала это был салат из свежих впечатлений перед горячим. Потом соус болоньезе.

Мы разбавляли томатную пасту сути горячей водой простых слов. Так бывает, когда люди действительно соскучились. Покрошили лук, морковь и сельдерей. Потом выложи-

ли все это в сотейник, залили томатным соусом, посолили реальностью, довели до кипения и тушили, тушили, тушили на среднем огне под крышкой тридцать минут. За две-три минуты до готовности Борис добавил еще мелко рубленный базилик, задав всему тон итальянской кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.